



НА ПОБЫВКУ

(глава из повести о военном времени)

В понедельник староста Нина Сомова остановила Юрку у дверей класса и, потупив глаза, сказала:

- Из сельсовета телефонограмму передали. У тебя мать заболела. Наказала домой приехать. Директор разрешил, поезжай.

Сказала так, что не поверить было невозможно. Душа Юрки возликовала. Известие о болезни матери не очень его огорчило. С тех пор, как отец ушел на фронт, она частенько недомогала, похватывалась за сердце, но потом приступы проходили. Наверно, и сейчас - с сердцем. А может, простудилась? Но зато можно целую неделю дома пробыть. Это же такое счастье!

И почему в последнее время ему так везти стало? Вчера пошел в сберкассу проверить облигацию. И была-то у него всего одна облигация в сто рублей. На крыльцо общежития вышел - вспомнил, что калоши забыл. А на улице - развезло. Пришлось воротиться. Ребята в комнате увидели, загалдели: "Вернулся! Значит, не в путь". Отшутился: "Ничего! У меня мокроступы волшебные..." Ребята: "Го-го-го! Га-га-га!"

Над калошами Юрки, и впрямь, - одна потеха. Они давным-давно лопнули в верхней части поперек, и Юрка подвязывал их к валенкам сложной веревочной системой, им самим изобретенной.

В сберкассе его ждала удача. На облигацию выпал выигрыш - двести рублей. Вчера он колебался, истратить деньги или нет. Сегодня принял решение: купить хлеба. То-то мама обрадуется! Она настоящего хлеба год, наверное, не едала. Все с дурандой, да колокольцом.

...Сегодня, как назло, ни одной попутки. Юрка уже половину дороги отшагал. Ноги стало саднить на запятках, стер, значит. Показалась деревня Верхник. Тут жила тетка Евдокия. Можно было зайти, передохнуть. Тетка, хоть и не родная, а семиюродная, но щей плеснет.

Однако, вспомнилась последняя с ней встреча, и щеки обожгло. “Нет, ни за что!” Когда же это они в последний раз виделись? Да, точно, в октябрьские праздники.

Мать тоже тогда приболела. Юрка шел к ней с пустой котомкой. И завернул к тетке Евдокии. А та как раз пышки белые пекла, ждала гостей. Юрка оказался гостем незваным. Но накормить его тетка накормила и ночевать оставила. А в сумерках убежала на полчаса к соседке. Ну, Юрка и соблазнился, стащил у нее с полки одну пышку, спрятал в угол пустой котомки - маме гостинец.

Не знал парень, что пышки у тетки Евдокии считанные. Поздно вечером хватилась она пропажи и навела ночью в Юркиной котомке ревизию.

Утром Юрка собирается в путь, а тетка такая ласковая: чаю предлагает. С пышкой. Пышка поменьше той, какую он вчера спер, ну, ничего. Юрка чай выпил, а пышку не тронул. “Спасибо, - говорит, - а это я маме - в гостинец”. Сам думает: “вот я две пышки теперь принесу”. Полез в котомку, а там вчерашней похоронки, как не бывало. Тетка Евдокия у печки стоит, за ним наблюдает. Встретились глазами и покраснели оба. Юрка от того, что поймала его тетка, а Евдокия тоже малость зарумянилась: поняла, что лишила парня радости больную мать пшеничной пышкой угостить. Ведь, поди-ко, одну-то она не съест, сыну назад отдаст.

Засуетилась тетка, захотела исправить промашку. Кренделек еще в руку парня сунула. Юрка стал багровый от смущения, хотел было, не брать, но совсем стусеивался, схватил кренделек и, на ходу надевая шапку, выкатился за двери. Так что к тетке Евдокии ему сейчас идти все равно, что по горячим углям.

Пока он вспоминал свой недавний позор, зафырчало сзади: грузовик показался. Юрка поспешил к мостику, что был впереди.

Надо вам сказать, что педучилищенские ребята - опытные люди! Юрка - не исключение. Он знает, что шофер ни за что не будет машину ради “его светлости” останавливать. Поэтому садиться в кузов надо на ходу. У мостов - большие выбоины. Водители всегда возле таких мест притормаживают. Тут и надо ловить момент. Двумя руками за задний борт, одну ногу - на крюк для прицепа, вторую закидывай, как кавалерист. Борт оседлал - большая часть дела сделана. Надо только успеть до главного толчка в кузов перекинуться, а то на ухабе так может посадить, что на всю жизнь инвалидом останешься.

Операция удалась, и Юрка быстро доехал до Марковицы, большой деревни в трех верстах от Могилева, куда он направлялся.

У магазина грузовик встал. Шофер вышел, осведомился: “Платить будешь?” Пассажир помотал головой. Шофер сказал: “Вылезай. К черту - нищих, бог подаст...”

Юрка сошел с машины с легким сердцем. Дальше ему двигаться по тропке через снежное йоле, и машина ему совсем не нужна была. Он все равно бы за Марковичей выскочил из кузова на ходу. Мостик и там подходящий. А теперь слезай себе тихо, без риска. Лишних полкилометра идти. Ничего, как раз согрешься, а то промерз в кузове-то, чай не лето.

Правда, шофер хотел на прощание подзатыльника дать, но Юрка увернулся. Пошел к деревенской околице.

Ой, ты, тропка полевая! Летом ли, утонувшая во ржи и ячменях; осенью ли, черной лентой вьющаяся по желтой стерне; весной ли, перепаханная и снова утоптанная великой армией прохожих, - всегда ты хороша, Хороша ты и переметтенная поземкой, кое-где вильнувшая в сторону от провалившегося глубоко в снег ошибочного следа (шел человек ночью, да, может, навеселе), ершистая и скрипучая в мороз, гладкая и скользкая, как сейчас, в оттепель. Не сравнится с тобой, тропка, ни проселочная дорога, ни тракт прямоезжий, ни магистраль асфальтовая. Потому, что ведешь ты, тропка, к родному порогу!

Одно плохо, у самой деревни Могилево тропка полезла круто в горку. А горка до того укатана, что взойти на нее можно только с величайшим усилием. И уж, конечно, не в таких калошах, какие у Юрки, с гладкой, выношенной подошвой. Три раза поднимался почти до самого верха парень и три раза скатывался обратно. Делать нечего, пришлось снимать калоши и топтать по сырому снегу в валенках, у которых от подошв осталось одно название. На горе, возле дома, где жила Ельтипифоровна, Юрка остановился, чтоб снова обуться в “волшебные мокроступы”.

Он сначала не понял, о чем голосит старая Ельтипифоровна. Увидев с крыльца Юрку, бабка запела жалобно:

- Али идешь, сиротинушка? Али к родимой матушке горе мыкать?

Юрка насторожился. “Видно, мама сильно заболела”, - пришла первая мысль.

- Баба Нюра! А что, мама шибко хворает? Что с ней?

- Ох, ты, дитятко неразумное! Про што баешь-спрашиваешь? Не о мамке надо спрашивать. Где у тебя тятенька? Где сокол Макар Иванович?

Юрка глянул широко раскрытыми глазами на Ельтипифоровну. Что несет старуха? Как “где тятенька”? На фронте, конечно. В Польше. Возле города Сулиева. Письмо на той неделе было.

Бабка увидела в лице Юрки изумление и брякнула:

- Али не ведаешь? Пришла на Макара Ивановича похоронная...

“Похоронная”. Страшное слово! В который раз звучало оно над живыми, это непереносимо длинное, шепотом, с нехорошим придыхом говоримое слово, - и переставали смеяться дети, дикий звериный стон издавали жены, каменели матери, падали на колени старики.

У Юрки задрожали ноги и стало горько в горле, в груди, талый снег поплыл перед глазами. Глянул он на крыльцо, где стояла Ельтипифоровна, а там уже - никого...

По деревне шел, сжавшись. Ему казалось, что из всех окон смотрят на него сельчане и жалеют. Порог дома бабушки Ульяны, где квартировала мать, показался ему совсем старым. Выщербленный, треснувший по диагонали порог еле держал на себе косяки.

У двери Юрка помедлил. Отчаянная надежда затеплилась на доньшке сердца. “Старая Ельтипифоровна из ума выжила, болтает, сама не знает чего...”

Ну, конечно! Вот он открывает дверь и тихонько заглядывает в избу. Все правильно. Бабушка Ульяна и мать сидят у стола в передней и тихо разговаривают. Они не убиваются, не рвут на себе волосы. Значит, наврала карга. Значит, ошибка.

Перепутала все старушенция.

Мама улыбается:

- Юронька пришел. Здравствуй, сынок. Раздевайся...

Она улыбается! Раз не лежит, значит, не больная? Зачем же она его вызывала?

Зачем зеркало в передней завешено?

- Пойдем, я тебе полью водички... Умойся с дороги, - говорит мама.

Они выходят в сени. Мать зачерпывает ковшом из ведра воду и уже над тазиком спрашивает наклонившегося и сложившего руки лодочкой сына:

- Ты, Юронька, чего-нибудь знаешь?

- Зна-ю...

Мать обнимает его за худые плечи.

- Нету у нас папы, Юра...

Они долго стоят, обнявшись, в холодных сенях и беззвучно плачут. И только тоненькая струйка воды из ковшика, что держит в руке мать, потихоньку звенит о цинковый таз.

Содержание

<i>Ути-ути!... вварумФк 1/w</i>	
<i>МуеькА</i>	<i>12</i>
<i>Ясетрум</i>	<i>/7</i>
<i>«&? яобыц</i>	<i>22</i>